

Константин Волчков

«Февр...»

Рассказ

1

Иногда мир отказывается сходить с места. Он непреклонно упирается, пока время безуспешно норовит подтолкнуть его вперед. Любое сдвинутое мгновение тут же возвращается в изначальную точку. Мысли напряженно пульсируют, никак не разрешаясь в последовательный поток. Тело мерцает, не зная, какое движение совершить.

Стоя в коридоре, заполненном гамом и топотом, я увлеченно царапал на стене «Лох» под именем одноклассника. Ванька за моей спиной жаловался Лёшику на то, что воду отключили даже в туалете. Они смеялись, вспоминая, что окончательно перекрыть воду в школе решили из-за нашего друга Васьки.

Ванька пнул по раковине фонтанчика, над которым я и занимался наскальной живописью. А Лёшик еще раз покрутил ручку крана. Фонтанчик недовольно побурчал, сделал презрительный плевок и затих. Вместе с ним затихло и все вокруг, кроме моего шуршания по стене. Я обернулся, чтобы посмотреть, что случилось, и замер.

Три семиклассника — три зловещие фигуры, пугающие и гипнотизирующие, всего в трех шагах от нас. Самый мелкий из них ростом чуть выше меня — с поднесенной к затылку рукой. У него добрые голубые глаза. У него белоснежная улыбка. Светлые несерьезные кудри. У него обидные хлесткие издевательства и затрещины, получаемые мной каждую неделю перед всем классом. Мазки, выкрашивающие мое лицо красным, шлепки, выбивающие из глаз слезы. Двое других, кидающие друг другу горячие матерные слова, — куда выше. На высунутом желтом языке у одного из них блестящее бритвенное лезвие. На мне его мутные неживые глаза, и я с дрожащими губами и предательскими, нежелающими опускаться глазами весь в ожидании режущего: «Чё зыришь?!» У третьего в руках сигарета, и это прямо посреди школьного коридора! Мир чуть дернулся. Ладонь мелкого, обращенная в когтистую лапу, уже на самом его затылке. Желтый фильтр сжат в тисках потрескавшихся губ, а конец сигареты направлен вниз. Лезвие спрятано в кривой ухмылке на вылепленном из серого хлеба лице с оспинами от выдавленных прыщей. В его потухших глазах ни цвета, ни света, — бездушные они, затягивающие в черную воронку. И опять. Обнаженные желтые зубы, высунутый плоский язык. Сигарета, торчащая из пачки.

Волчков Константин Игоревич родился в 1990 году под Екатеринбургом. Учился в Уральском Федеральном университете на физика. Живет в Санкт-Петербурге, иногда работает. Это его первая «толстожурнальная» публикация.

Поднятая к затылку рука. По моим щекам будто бы уже прошлись обветренные руки-наждачки. Ухмылка, затылок и фильтр. Бритва, кудряшки и губы.

Мир вылез из трясины. Серолицый спрятал язык с бритвой и улыбнулся, посмотрев прямо на меня. От страха затошнило, а когда я увидел, как мелкий поднимает руку к затылку, дернулся и инстинктивно вскинул руки, прикрывая лицо. Третий из них достал сигарету из пачки и зажал ее губами.

Семиклассники прошли мимо, и все напряжение, охватившее меня, спало. Ноги обмякли от облегчения. Мы с Лёшиком и Ваню мечтаем когда-нибудь собраться и дать им сдачи, но пока только отдаем им сдачу со школьных обедов. Говорить продолжили так, будто эти три секунды ничего не происходило.

— Чего... — Ваню засипел и откашлялся. — Чего с руками-то делать?

Он покрутил у лица своими измазанными мелом ладонями.

— Меня только не трогай! — Лёшик отпрянул от Ваню. Тот медленно потянул к нему руки, делая вид, что хочет схватить его.

— Аааа! — Лёшик с криком побежал вдоль стенки, а Ваню бросился за ним.

— Чего носитесь? — к ним навстречу шла математичка. Я быстро доделал последние штрихи и отошел от фонтанчика.

По-утиному переваливаясь из стороны в сторону, учительница дошла до меня. Она крикнула и остановилась, переводя дыхание. При этом ее шея неестественно согнулась, будто бы ее свело.

— Чего стоишь, давай на урок. Две минуты осталось! — и, не дожидаясь ответа, побрякивая, пошла дальше.

— Ха! — Лёшик прибежал обратно и пальцем указал на мою надпись. — Надо Петюне показать. Пусть знает, что он лох.

Мы вбежали в класс под самый звонок и уселись по местам. На грязно-белой доске остался кусок позавчерашней даты. Математичка пыталась стереть, чтобы написать новую, но сухая тряпка только размазывала надпись. Отчаявшись, она оставила доску со старыми примерами и куцым «февр» сверху. Теперь жертвы, вместо того чтобы идти к доске, решали уравнения в тетрадах, комментируя действия вслух.

Не прошло и минуты, как в кабинет вошла класснуха. Она ходила в черном вязаном жилете, который хорошо подчеркивал ее фигуру. Жирную пингвинью фигуру.

— Тамара Михайловна, я отниму у вас пару минут? — спросила она у математички.

— Да чего уж, отнимайте, — та лениво развернулась на стуле в сторону пришедшей.

— Так, класс. Попрошу внимания, — вступила класснуха. — Я вынуждена в сотый раз повторить: «Не пейте воду из-под крана!» Вы все прекрасно знаете, что в городе ЧП. Эпидемия у нас сейчас. Вода должна быть обязательно прокипячена, прежде чем вы ее выпьете. Петров, Тамара Михайловна, представляете, что вычудил? Воду из туалета выпил. Ладно хоть из-под крана, а не из унитаза. Додумался. Здесь-то всё отключили, так он туда пошел. Теперь вот у нас такой караул, — она окинула взглядом доску. — И почему все такие безответственные? Всю школу подставил! Вы-то, надеюсь, усвоили, что можно пить только кипяченую воду?!

Мы всем классом выкрикнули: «Да!» и закивали головами.

— Продолжайте, — она пошла к двери. Секунда тишины, и начался урок. Зачином стало недовольство Тамары Михайловны грустным видом сидевшего перед ней Петюни.

— Что ты опять лицо такое суксил, тебе всего одиннадцать лет, а будто уже войну прошел. Когда вы уставать-то успеваете? Жизнь же беззаботная: на уроки сходи — да весь день свободен. Еще ведь и не учитесь ни шиша.

В завершении она оперлась о стол рукой и приподнялась.

— Вот, чтобы взбодриться, расскажи-ка нам, сделал ли ты домашнее...

Время легло под каток.

* * *

После уроков мы собрались навестить Васяна и узнать, как он себя чувствует.

— Впервые в мире! — он торжественно провозгласил с наполненной до краев маленькой бутылкой пепси в руках. Мутная вода пугающе выплескивалась из горлышка. — Смертельный номер!

Мы вчетвером собрались в коридоре во время окна между уроками. Вася давно собирался выпить опасной воды. Еще когда только начали появляться слухи об отравлениях, он уже поделился с нами мыслью, что можно устроить внеплановые каникулы.

— Давай, Васян! — подбадривал Лёшик. — Пей!

— Пей! — поддержали я и Ваню.

— Пей! Пей! Пей! — мы скандировали втроем.

— Але-оп! — Вася закинул голову, поднес бутылку к губам.

Лёшик развернулся и забарабанил по подоконнику. Вася открыл рот, и его кадык быстро зашевелился. Полбутылки ушло секунд за пятнадцать.

— Та-дам! Очень даже вкусно.

В возбуждении мы забегали вокруг, чествуя нашего героя. Вася же с довольным лицом спокойно стоял. Ваню выхватил у него бутылку и принялся плескать из нее в потолок.

— Учитель! — я крикнул, когда увидел идущую к нам фигуру, и мы сразу же присмирели. А на следующий день Вася не пришел на уроки.

* * *

Выбежав из дверей с рюкзаками и пакетами со сменкой, мы сразу же кинулись к снежной куче, чтобы зачерпнуть снега и бросить в кого-нибудь. А лучше, если хватит духу, в окна школы.

Следом вышли наши девчонки, и мы вдарили по ним залп из всех батарей, услышали возмущенные возгласы, ответили: «Дуры!», запулили еще по снежку и побежали дальше ко дворам, где жил Васька. Когда мы пробежали мимо супермаркета, я остановился.

— Пацаны, может, купим ему сникерс?

— Зачем? — спросил жадный Ваню. От него даже скинуться летом попить не дожدهшься, а тут сникерс купить кому-то.

— Поддержать! Болеет же. А мы навещаем больного. В больницу всегда передачи носят.

— Давай, друг же, — Лёшик согласился и достал мелочь из кармана. — У меня два пятьдесят.

— У меня пятерик есть, — сообщил я и обратился к Ваню. — Добавишь еще два рубля?

Ваню стоял и думал. Скупость и нежелание быть жидой устроили бой прямо на его лице, и мы терпеливо следили за бегающими глазами и закушенными губами.

— Лаадно, — Ваню нехотя вытащил деньги и передал мне. Я бросился к дверям магазина.

— Эй, мелкий! — я замер на вдохе. От мысли, что я должен развернуться, ноги

из килограммов мяса и костей превратились в килограммы ваты. Сердце сбилось с темпа, а желудок прижал свои стенки друг к другу. Дурное чувство разлилось по всему телу.

Обернувшись, я увидел, что рядом с Лёшиком и Ваню стоит старшеклассник. Тот, который доставал сигарету.

— Сюда подойди!

Я медленно спускался, пока мысли схоронились на дне. Когда я подошел, он обратился только ко мне.

— Есть два рубля?

Он наверняка видел, как мы скидывались, и что вся касса теперь у меня. Врать было бессмысленно, и я просто молчал, смотря на него, как кролик на удава.

— Чего смотришь?! Деньги давай!

— Нам надо, — промямлил Лёшик.

— Я тебя спрашивал?! — старшеклассник ударил рукой по Лёхиному пакету со сменкой, и тот упал в снег.

— Давай! А то втащу, — он сделал шаг ко мне. Оторопев, я не двигался. Не мог.

— Ты че, офигел?! — он сделал еще шаг и встал передо мной, отчего я мелко затрясся. — Считаю до пяти. Раз.

Мы втроем стояли без движения.

— Два.

— Нам не для себя, — Лёшик тонким голосом снова обратился к рэкету.

— Заткнись, говорю. Три.

Я продолжал пялиться на старшака.

— Четыре.

Я лихорадил. Мои глаза покраснели

— Ну все, пять! — он ладонью хлестнул меня по лицу. Рука была в перчатке, и я не почувствовал боль, только в глаз будто что-то попало. Я быстро заморгал, а мои руки схватили его за предплечья, стараясь удержать от следующих ударов.

— Лапы убери! — он пробил мне в грудку. Мой пуховик сделал удар почти неощутимым. И тут произошло неожиданное: парни вместе накиннулись на старшака. Лёшик вцепился в его руку, а Ваню пытался бить. Очевидно, удары не причиняли вреда нашему противнику. Он быстро раскидал парней в стороны и кинулся ко мне. Руками он полез в мои карманы и принялся выворачивать их. Я сопротивлялся и отталкивал его. Это привело к двум оплеухам. Шапка слезла мне на глаза.

— Отвали от детей! — в темноте я услышал мужской голос и почувствовал, что старшак больше ко мне не лезет. Подняв шапку, я увидел, что к нам подошел какой-то мужчина, а противник потихоньку отступал.

— Иди отсюда, еще раз увижу, все руки переломаю, — продолжил незнакомец.

— Вам завтра капец, — бросил нам напоследок старшак, уходя без всякой спешки.

Я оправил шапку.

— Учитесь за себя стоять, — мужик сказал это с плохо скрываемым презрением. — Вас трое, он один, а вы сытые.

Мы промолчали, а тот двинулся по своим делам.

— Сейчас опять вернется! — Ваню запаниковал.

— Да он боится теперь, — Лёшик был воодушевлен. — Ничего не придет.

— А если он за остальными пошел? — Ваню не успокаивался.

— Давайте в магаз и быстро к Ваське, — предложил я, и мы вместе поспешили внутрь.

* * *

В квартире у больного нас встретила Васина мама — тетя Лена. На входе она строго спросила, не повторяли ли мы подвига ее сына и не мы ли надоумили Васеньку на это дело. После яростного мотания головами нас пустили. В первую очередь мы бросились наперебой рассказывать ему о стычке со старшаком. Вася только посмеивался над историей, ему-то еще долго ничего не будет грозить.

— Да мы их завтра, если что! — Лёшик ударил правым кулаком в левую ладонь.

— Вы бы лучше, как я, пацаны... — Васян заговорил полусшепотом. — Водички попили бы, и на больничный. Пока проболуете, уже все забудется. Он со своими дружками уже к другим начнет прикапываться. А вы придете отдохнувшие. Поиграть можно нормально. Пока мамки нет, уже две кампании в колофдьюту прошел, — он прервался, испугавшись, что сказал слишком громко. — Рвет только иногда, да температура, что и вставать не хочется. Но настоящий мужчина должен уметь преодолевать свои слабости для действительно важных вещей, так ведь?

— Ну, ты мужик, — Ваню продолжал восхищаться Васей. — Сказал, что выпьешь, и выпил. Я вот дома хотел так сделать. Но честно скажу, испугался. Да и родители сказали, что, если попью из-под крана, сперва отфигачат как следует, и тогда уже подумают, лечить или лучше в детдом отдать.

Мы сочувственно посмотрели на Ваню. Его родители действительно не чурались приложить руку. Мы считали это дикостью, но сам он особо не переживал и говорил об этом как о чем-то обыденном. Как-то он рассказывал о том, как мамка гонялась за ним со скакалкой по всей квартире и била по спине. При этом он заливался смехом, вспоминая, как наткнулся на диван и разбил вазу, пока убежал.

— Ваню, — мне в голову вдруг пришел вопрос. — Вот тебя же дома часто наказывают. Ты не привык к боли? Ты ведь тоже боишься, что старшаки побьют.

— Так то родители, они с любовью. По голове не лупят, отсыпают ровно. А эти скоты не останутся ведь. У двоюродного брата в школе одного парня запинали так, что его в больницу увезли. Оно мне надо? Этот, который с лезвием еще, представляешь, если по шее или глазу саданёт?

Мы все угукнули в знак согласия, а Лёшик заявил Васе:

— Ты, кстати, очень важный человек.

Мы с Ваню прыснули, а Вася непонимающе посмотрел на нас и на Лёшика.

— Очень-очень важный, — продолжил Лёшик.

— Вери-вери импотент, — добавил Ваню, но больному это ничего не объяснило.

— На английском проходили, что важный это... — я начал объяснять.

— Импотент! — слишком громко крикнул Лёшик. Мы все замерли, слушая, не идет ли к нам тетя Лена.

— Ах ты! — Вася понял, что его обозвали, и бросил в Лёшика подушкой, рванул к нему и повалил на диван, где они со смехом стали бороться.

— Пожалуйста, обезьяны в зоопарке, — прокомментировал Ваню и потянул из-под них одеяло. Когда же оно полностью оказалось у него, он накрыл их сверху: — Спокойной ночи, голубки.

Парни, услышав это, отвлеклись и кинулись вслепую в нашу сторону, повалили нас на пол. Но тут в комнату вошла Васина мама.

— Что вы здесь устроили! Вася! Куда ты, у тебя температура. Лежи смирно. А вы? Если вы баловаться пришли, то дуйте домой, ему покой нужен, а не ваши побоища.

— Теть Лен, мы будем тихо сидеть, — заявил Ваню, поднимаясь с пола и скидывая одеяло.

— Да, мам. Больше не будем.

Мы спокойно посидели еще полчаса и пошли по домам. Когда дошли до места, где всегда расходимся в разные стороны, я начал:

— Пацаны, ну ведь мы сегодня почти сделали это. И я хочу сказать... Хочу сказать, что не забуду до самого конца, что вы вступились за меня. Я обещаю, что тоже всегда помогу, если они кого-то из нас будут травить.

— Да ладно, — Лёшик хлопнул меня по плечу. — Если чё, соберемся и по одному их отхерачим.

— Или я брательника позову, — заверил Ваню. — Разберемся.

Мы пожали друг другу руки, как настоящие взрослые мужчины, и развернулись каждый в свою сторону.

— Блин! — я трагически протянул, пока вытаскивал из кармана сникерс. — Забыли отдать.

Парни сразу оказались около меня.

— Да фиг с ним, давай по-братски поделим, — предложил Ваню.

Я недолго сомневался. Через десять секунд батончик был вытащен из упаковки, и мы разделили его на неровные три части. Шоколад рассыпался под холодными пальцами и налипал на них вместе с кусочками нуги. Я не стал сразу разжевывать свою часть, а медленно обсасывал ее.

— Ну все, пока! — Лёха ударил Ваню по плечу и помчался в свою сторону. Временами он запинаясь о болтавшийся в руках пакет со сменкой. Ваню с криком побежал отвечать ему на удар. Я смотрел влед, пока шоколадка обжигала горло своей сладостью. Дыхание сперло, и я закашлялся. Когда кашель отпустил, я с серьезным лицом посмотрел на уже валяющихся в снегу друзей.

— Прям как маленькие.

* * *

До прихода родителей оставалось еще три часа, и я сел в своей комнате за компьютер, чтобы поиграть во второго «Принца Персии». Патлатый качок-акробат под бодрую музыку рубил слабеньких оживших мертвецов. Я чувствовал, как во мне просыпаются силы, и был готов выйти и раскидать всех этих уродов из старших классов, а потом взять самую красивую одноклассницу и сделать с ней то, что делают взрослые: положить ее голую в кровать и везде целовать.

Я дошел до момента, где нужно в очередной раз убежать от Дахаки — черного орудия судьбы. Загрузившись у фонтана с пополнением жизни, я двинулся вперед, ожидая скрипта заставки и появления монстра. Принц перепрыгнул пару ловушек — и началось.

Я управлял им суперсосредоточенно: перепрыгивал пропасти, бежал по стенам, минуя шипы на полу, кувырчался, спасаясь от вращающихся лезвий, но тут принц посмел ослушаться и сорвался вниз. Я опять запустил игру с того же места. Дахака появился на экране, и я зажал W, чтобы принц ринулся вперед. Он побежал, перепрыгнул ров, пробежал по стене, прыгнул на другую сторону, перескочил шипы, оказался между двумя стенами и запрыгал от одной к другой, чтобы попасть наверх. Оставался лишь прыжок, когда я слишком рано нажал пробел. Принц свалился вниз, где его ожидал монстр. Я запустил игру еще раз и оказался уже в самом начале. Снова. Пройдя ненамного дальше, принц наткнулся на шипы, они откинули его назад к пропасти, но он сумел зацепиться за край. Я быстро застучал по пробелу, но пока принц выбирался, Дахака уже оказался перед ним. Ещё раз.

Игра вышла за пределы монитора, вытесняя реальный мир.

Психанув, я шлепнул мышкой по столу. Я не знал, куда мне деться: в голове возникли картинки с предсказаниями ближайшего будущего. Вот старшаки зажали в школе у всех на виду и бьют нас перед красивыми девочками из параллели, вот ставят на счетчик перед смеющимися одноклассниками. Вот дают поджопник на прощание, когда учителя решают разогнать толпу. Я представил, как, будто бы принц Персии, пытаюсь исполнить эффектный кульбит, чтобы ударить в полете сразу двоих. Но ничего не выходит. Я получаю кулаком в лицо, бьюсь затылком о стену, падаю и остаюсь лежать.

Во рту пересохло от таких фантазий, и я пошел на кухню за стаканом воды. У нас уже стояла полная трехлитровая банка для питья. Отец специально ездил куда-то за чистой питьевой водой. Мысли о расправе надо мной и друзьями не покидали. Достав стакан с полки, я поставил его рядом с банкой и уже приготовился переливать воду, но дрожащая правая рука схватила стакан, подставила его под кран, а левая открыла вентиль с холодной водой. Сам я ничего не делал.

Когда стакан опустел, руки снова заполнили его с помощью крана. Живот набух от неприятной полноты. Глотки давались с трудом. Вспомнив Васиных слова о необходимости преодолевать свои слабости, я, уже сам, налил и выпил еще полстакана. Осталось дожидаться симптомов отравления, мужественно делая вид, что не болею, пока мама все не поймет и не оставит меня дома.

2

Проснулся от холода. Ежась, стянул с головы одеяло и посмотрел на часы, висящие на стене. Кое-как разглядел стрелки в темноте: еще пятнадцать минут до того, как зайдет мама. На кухне шипела сковорода. Мне хотелось в туалет, и потому пришлось вставать. Неприятно: холод почувствовался еще острее, когда я сбросил одеяло. От озноба движения давались тяжело. Казалось, что иду до двери минут десять. Когда открыл ее, свет из коридора впился в глаза так, что я отшатнулся назад.

— О, ты уже встал! — заметила мама бодрым раздражающим голосом, проходя мимо. Я ничего не ответил. — Завтрак еще не готов, можешь повалиться чуть-чуть. А что с тобой? — она настороженно посмотрела на меня. — Бледный какой-то.

— Ничего, — буркнул в ответ.

— Ну понятно, без тапочек в коридор вышел. Тут из-под двери поддувает, — мама потеряла интерес и пошла дальше на кухню. — Давай, делай свои дела, я сейчас пожарю яичницу.

Я прошел в туалет, а после в ванну. Чистка зубов обернулась настоящим испытанием: щетка будто бы весила несколько килограммов, холодная вода, попадая на руки, резала кожу, а зубная паста разъедала рот. Чтобы ополоснуть лицо, я выкрутил красный вентиль на максимум.

Вернувшись в комнату, полностью оделся и прошел на теплую от конфорок кухню.

— Отец тебя не будил? Сегодня он так шумно собирался, — мама спрашивала об этом почти каждый день. Она поставила передо мной тарелку с яичницей.

Нехотя я взял вилку и ковырнул желток. Подцепив кусок, я поднес его ко рту. Противный запах сжал мой рот, и я с трудом разжал челюсти и положил край вилки на язык. Сняв с зубцов кусок яичницы, я медленно разжевывал его. Ощущалось каждое столкновение еды с зубами, а мышцы челюсти устали двигаться.

— Что-то ты неважно выглядишь, — мама наблюдала все это со стороны. Она приблизилась и потрогала лоб. — Непонятно. Отравился?!

— Нет, мам, — яичница чуть не выпала изо рта, когда я ответил.

— Так, давай температуру тебе смерим.

Я сплюнул пережеванную пищу в мусорку, прошел в комнату и лег на диван. Мама принесла градусник, сунула под футболку. Через пять минут он показал «38».

— Ну все, остаешься дома, я сейчас все лекарства выложу и распишу что как пить. За день собьем температуру. А Наталье Георгиевне позвоню с работы: предупрежу, что ты заболел. Если пораньше отпустят, то приду. А ты побольше спи. Банку с малиновым вареньем на кухне оставляю, с ним надо навести морс. Вскипятишь в чайнике и разбавишь, понял?! Все, я побежала.

Мама поцеловала меня напоследок в лоб и ушла на работу.

Только тогда я понял, что избегу расправы в школе. Это меня обрадовало, и я почувствовал облегчение. Собравшись с силами, я встал, чтобы выпить первую порцию лекарств и вернуться в постель, уютно закутавшись в одеяло. Несмотря на озноб, я чувствовал себя умиротворенным и счастливым.

* * *

Проснулся только к двенадцати часам. В школе уже подходил к концу четвертый урок. У нашего класса должно было быть пять. Мне казалось, что сейчас я легко встану и сяду за компьютер, но засевшей в мышцах слабости казалось по-другому. Я кое-как дошел до ванной и снова почистил зубы. Затем выпил лекарства и перенес одеяло с подушкой на диван в комнату родителей. От всего этого на мне выступил пот. Рухнув на диван, я схватил пульт, включил телевизор и принялся искать канал с какими-нибудь мультиками. Наконец-то попался Котопёс. Эту серию я уже видел раз двадцать, что не помешало посмотреть ее снова, параллельно гуляя в своих мыслях. Я гадал, как дела у пацанов, и обидятся ли они на меня. Я даже представил, как мы с ними ссоримся. Это расстраивало, но не пугало до дрожи, поэтому я смог свыкнуться с этой мыслью. Незаметно снова уснул. Меня разбудил писклявый звон домофона. Я медленно подошел к входной двери, надеясь, что за это время звонок оборвется, но он продолжался.

— Да? — я снял трубку.

— Ватсаааап! — заорал Лёшик.

— Открывай! — а это уже радостно кричал Ваню.

Я нажал кнопку, и в динамике запиликало.

Они шумно вошли в подъезд, а когда поехал лифт, я слышал их возбужденные голоса. Распахнул дверь, и меня обдала волна холодного воздуха, а парни в ледяных курточках, покрытых снегом, полезли ко мне обниматься. Я упирался изо всех оставшихся сил, но в конце концов сдался.

— Ну что, мистер больной, — Лёшик принялся рассказывать, когда они разделись и сели вместе со мной на диван. — Вы все пропустили.

На их лицах легкими штрихами наметилось по паре ссадин.

— В общем, там капец был, — подхватил Ваню, — смотри.

Он показал казанки на правой руке. Те, что у указательного и среднего пальца, ярко и нагло покраснели.

— Вы дрались? — я удивился.

— Еще как! — Лёшик воскликнул. — Но не то чтобы прям-прям дрались-дрались. Этот и его друзья нас искали все перемены.

— И нашли! — добавил Ваню.

— И?

— Что и? Двое нас скрутили. Игорь и Саня, — Лёшик назвал их по именам, которые мы всегда знали, но избегали в разговорах.

— Пигорь и Лошаня! — уточнил Ваню.

— А вчерашний... как его... — продолжал Лёшик.

— Петушила! — напомнил Ваню.

— Решил нас избить, а тут Ваню такое замутил! — Лёшик взглядом передал историю другу.

— Я начал ныть, мол отпустите, у меня деньги есть, давайте откуплюсь. Жалобно стонал, как девочка. Очково было ж. Лошаня, дебил, меня выпустил, я полез типа в карман, а сам как вдарил Петушале по ящам, он загнулся, я ему еще и по лицу двинул. Пигорь растерялся и Лёху выпустил. А тот...

— А я на Саню накинулся. Дак вообще оказалось, они драться не умеют. Ну, то есть умеют, конечно, но не так чтобы супер круто. Им Игорь стал помогать, вот меня по заднице пнул, так прикинь, остальные пацаны из класса прибежали и на них накинулись. Я не ожидал. Те свалили. И...

— Завтра у нас стрелка класс на класс, — закончил Ваню.

Такой финал виделся не то чтобы очень радостным. Седьмой «Б» точно завалит наш пятый «А».

— И что теперь делать? — я недоумевал.

— Что? Втащим им, раскатаем! — Ваню аж подпрыгнул, а потом показал, как он будет бить противника, как раньше это делал Лёшик.

— Все норм, Ваню со своим брательником уже договорился. Ты видел, какой у них кабан в классе есть? Он просто сядет на нас и в лепешку раздавит. Поэтому нужна тяжелая артиллерия.

— А брательник с технарскими договорился. Они придут, но не типа, чтобы нас больше было или еще что. А разрулят так, чтобы мы один на один вышли. Как брательник сказал: «Их лучший боец против нашего». Мы с Лёшиком будем драться с кем-то из этих. Я, наверное, выберу вчерашнего, а ты кого? — Ваню обратился к Лёшику.

— Да любого. Смотри, меня раз десять по лицу ударили, а такая мелочь. Голова даже не болит. Если даже проиграем, то запинать нас не дадут.

— Брательник пугач принесет, говорит, если что начнется, сразу пальнет. Вот жаль, тебя не будет. Как раз бы три на три. Там остальные-то в их классе вроде нормальные.

— Может, они даже не пойдут их поддержать, — предположил Лёшик.

— Только из других классов могут позвать еще, конечно. Дак че им, они же думают, что со слабаками связались. Никого не будут звать.

Я застыдился, что бросил друзей в такое время.

— Пацаны, я ведь воду специально выпил, чтобы сегодня не получить, — я дрожал уже не от озноба, а от постыдного признания.

— Да ты чего, вообще не парься. Это же все из-за тебя! — успокаивал меня Ваню. — Ты же вчера деньги не отдал, даже когда он тебя бить стал. Мы, может быть, никогда бы и не кинулись. Раньше же всегда боялся, что больно будет или еще что. А тут — мелочи. Я от них и сто ударов мог бы выдержать. Вот в меня мамка вчера вилку кинула. — Ваню закатал рукав на кофте и обнажил предплечье с четырьмя красными точками. — Под кожу чуть-чуть зашло. Так она, прикиньте, извинялась. Я выпросил за это нидфордспид новый. Сегодня обещала денег дать.

Мы провели наш обычный день в гостях у друг друга — играли в червячков и в фифу. Я почти забыл о болезни, даже захотел есть. Мы разогрели на троих суп, и я нашел у мамы в заначке мешок конфет, которыми мы украсили послеобеденное чаепитие.

— Давайте Хэппи три френдс посмотрим? — предложил Лёшик.

Мы запустили мультики и стали смотреть, как милые и чокнутые зверята разными способами гибнут под веселую музыку. Вот глупый лось разгоняет карусель со зверушками, и они начинают разлетаться в разные стороны, попутно лишаясь конечностей. Вот тот же лось прижигает себе лицо утюгом, а когда отрывает его, кожа и глаза остаются на утюге. Он умилительно ходит по квартире и натывается на разные предметы, которые травмируют и лишают конечностей. А в следующем эпизоде белка-сладкоежка просовывает руку в автомат с вкусняшками. Ее засасывает внутрь, где в глаза, как дрели, входят пружины из автомата. Мы закончили серией, в которой ежик пьет воду из грязной речки. От этого у него опадают иголки и сползает кожа. Он цепляется ошметками кожи за сучок, и ее остатки вместе с мясом слезают со скелета, обнажая голые кости.

Парни засобирались домой. На прощание я пожелал им удачи на завтра. Они пообещали обязательно забежать сразу, как стрелка закончится. Я закрыл двери и в коридоре оперся на стену руками. Силы снова оставили меня. В животе курлыкнуло, и рот обожгла изжога. Я чуть ли не на коленях рванул к туалету, где наклонился к унитазу, и меня вырвало.

* * *

Когда вернулась мама, моя бледность прошла.

— Ничего ты позеленел! Рвет?

Я лежал под одеялом у себя в комнате.

— Да.

— Ты воду из-под крана пил?! — мама сразу же взорвалась.

— Нет, — я бессмысленно соврал.

— Не ври, когда ты пил?

— Не знаю.

— Что значит «не знаю»?! — мама нервно вышла из комнаты и заходила по квартире. — Ну что за ребенок мне достался?! — донеслось с кухни.

Она заботилась обо мне, но с таким видом, что я понимал: за выздоровлением меня ждет наказание.

— Мама, извини, — я промямлил, когда она принесла мне очередной стакан воды с малиной.

— Пей, — приказала она и вышла.

Когда с работы вернулся отец, ритуал разочарования во мне повторился. Кажется, родители не разговаривали даже между собой, молча обвиняя друг друга в том, что воспитали такого мерзавца.

Я лежал и скучал. Передо мной стоял тазик, чтобы не приходилось вставать для очередного приступа рвоты. Во рту стоял горько-кислый вкус. В последний раз мне уже нечего было испускать из себя, и спазмы работали вхолостую. Внутренности натирали друг друга и вырабатывали едкую желчь. Та спешила наружу, обжигая горло.

Чтобы разнообразить досуг, я достал с полки томик Тютчева. Его задавали еще на лето, но я же не ботаник. Я-то — зачинщик восстания, достойный похвалы и уважения. Мне хотелось рассказать об этом родителям в надежде, что они будут гордиться мной. Но при этом пришлось бы признать, что раньше я вел себя как чмошник.

А стихи оказались скучными. Сказки у какого-нибудь Пушкина еще ничего, но это — совсем нудятина про природу и всякое такое. Я положил книгу рядом с тазиком.

— Есть будешь? — в комнату вошла мама и спросила уже спокойным голосом. Я помотал головой, и вдруг раздался входной звонок. Мама пошла открывать двери, а через две минуты возле меня сел врач. Он ощупал мой живот, послушал сердце. Тоже мое. Все это он делал холодными руками и приборами. Отец и мама стояли в дверях.

— Все типично, — врач закончил осмотр и обратился к родителям. — Сейчас полгорода таких. Я пропишу лекарства, чтобы бактерии убить. Даст бог — скоро поправится. В больницу класть смысла нет. Вы можете с ним днем время проводить?

— Да, я уже отпросилась, — мама вздохнула. — Через неделю-то выздоровеет?

— Сложно сказать. Еще никто не выздоровел окончательно, но улучшения есть. Тут, видите ли, специфика сложная. Бактерии с повышенной резистентностью к обычным препаратам. Мутанты, проще говоря. По ним в области уже решили докторскую писать. Травить сильными лекарствами молодой организм опасно, поэтому мы ничего такого не советуем. Взрослым прописываем, но пока без большого успеха. Как тебя-то угораздило? Везде же оповещают: «Не пейте воду из-под крана». Даже кипяченую-то не рекомендуется.

— Не знаю.

— Теперь еще и школу пропустишь. Мама дома сидеть будет вместо работы. Нехорошо, — он начал собирать свои вещи и снова обратился к родителям. — По большому счету, надо бы уже карантин объявлять и школы закрывать, хотя бы на ту же неделю. Там-то детей не проконтролируешь нормально.

Врач что-то записал в блокноте и, вырвав листок, отдал его родителям.

— Я еще вам для профилактики выписал вот это, — он тыкнул пальцем в листок в отцовских руках. — Если сами не дай бог водой отравитесь, то лучше перенесете. А вообще, конечно, ребенок тут не виноват. Десять заводов на сто тысяч жителей всякую дрянь в речку сливают. Дышать-то и так нечем, а теперь и пить опасно.

Вечером родители заставили меня поужинать с ними и съесть хоть что-нибудь. За столом я понял, что они сменили гнев на милость и решили окружить меня заботой через сюсюканье, постоянные вопросы о самочувствии и предложения попытаться съесть что-нибудь еще.

— Ниче, — отец потрепал меня по голове, когда встал. — Належишься, потом с новыми силами отучишься. Я как-то в детстве грипп сильный подхватил. Тоже валялся. А температура так накачивала, что стены оплывали. Галлюцинации были. Так что у тебя еще все в порядке. Может, тебе игру какую-нибудь купить, пока дома сидишь, чтобы не скучал?

Я закивал головой и попросил второй «Колофдьюти».

3

На следующий день мне стало хуже. За ночь в животе завелась неутомимая лягушка. Она пыталась выпрыгнуть наружу от каждого проглоченного куска: начинала подскакивать к горлу, раскачивая внутренности. А из моего рта доносилось ее кваканье. От мысли, что мне уже никогда не доведется поесть нормально, мне стало страшно.

Мама, взявшая больничный, обустроила мне место на диване в большой комнате, и мы вместе смотрели телевизор. Единственное, что во всем этом доставляло удовольствие — это ее забота. Я снова превратился в сыночка, маленького зайчика, теплое солнышко, мама обращалась ко мне только так; гладила по голове, растирала мне ноги. До этого я опасался, что моя взрослая жизнь уже началась и школа,

хулиганы, домашняя работа навсегда заменили мне заботу и ласковые слова родителей. Да и не к лицу это взрослому одиннадцатилетнему парню.

День протекал в полусне, я не заметил, когда вернулся отец. Поэтому испугался от неожиданности, услышав голос рядом с собой. Вздрогнув и раскрыв глаза, я увидел в его руках желанный диск, но сил обрадоваться не хватило, и я почти тут же опять задремал со счастливыми мыслями. Через какое-то время я услышал домофон, кто-то из родителей подошел к нему.

— Сынок, Лёша звонил, — отец подошел ко входу в комнату. — Я его не впустил, чтобы не мешал тебе сил набираться. Еще увидитесь, как лучше станет. Он сказал, что все прошло, как вы и думали. Что-то такое. Что вы затевали?

Я даже не понял, о чем шла речь, и протянул: «Не знаю». Отец не допытывался и ушел на кухню или за компьютер, или остался стоять. Я не мог сосредоточиться, чтобы определить это.

Наступил новый день, и еще один. И может быть третий. Я привык к своему состоянию, меня навещали бабушка с дедушкой, а за ними еще и второй дедушка. Заходил и врач. Заверял родителей, что нет никаких причин класть меня в больницу, и вообще я скоро пойду на поправку.

В какой-то день ко мне подошел отец со своим сотовым. У нас в семье телефоном пользовался только он, потому что ему звонят по работе.

— Это тебя. Лёша, — он передал мне телефон. Как повелось, родители настаивали, чтобы папин номер телефона был у всех моих друзей, чтобы я мог через них предупредить, что где-то задерживаюсь или куда-то иду. Но у Лёшика домашнего и какого-либо другого телефона не было, поэтому я удивился его звонку.

— Угадай, откуда я тебе звоню, — я понял, что Лёшик будет хвастаться.

— Ну?

— Мне сотик купили, прикинь? Три тыщи стоит!

— Да ты мажор!

— Да не говори. Правда, брать с собой никуда не разрешают, только дома можно.

— А зачем он тогда?

— Ну, чтобы дома лежал, ждал меня. А так — потеряю или отберут. Мама боится. Я уже мелодий накачал. Хочешь послушать, — он зашуршал. — Блин, надо чтобы ты так увидел, без звонка. К тебе можно уже приходиться?

— Еще нет, — по правде я не знал, но даже от мысли о приеме гостей накатывала тяжелая волна лени.

— Ладно, я че звоню-то, в общем, мы победили!

— Да ладно?!

— Давно бы рассказал, да к тебе не пускают. Дрались раз на раз. Ну, в общем-то меня отделали неплохо так. Родители два дня гулять не пускали и все допытывались, что случилось. Я сказал, что один козел нарывался и получил от меня. Но они не верят. А телефон подарили! Как в награду, наверное.

— А Ваню?

— Ваню этого Засаню загасил. Прямо вообще. Его брательник еще сказал, что кто на нас рыпнется, тому крындец. Но эти-то вообще не вякали при технарских. Даже было видно, что драться им стрёмно. Сейчас нам в школе при встрече руку жмут. Мы за тебя сразу договорились, тоже не тронут больше. Так что скорее выздоравливай, будем по школе королями ходить. Ваню предложил, что, может, теперь нам самим мелочь сшибать. Я ему сказал, что он дебил. Мы-то никогда такими не будем. Мы за справедливость. Правильно?!

— Правильно!

— Да. Я думаю, может в бокс записаться. Или в борьбу. Пойдем вместе?

— Пойдем! Я только выздоровею, и пойдем.

— Всё, заматано. Я пошел. А то дорого звонить. Еще на смски для мелодий потратился. Пока!

— Пока!

— Чего такой радостный? — отец спросил, когда я подошел к нему с телефоном.

— Да ничего. Пап, можно я в телефон поиграю?

— Да, сиди играй.

Я сел рядом с ним на диван и запустил змейку, но сосредоточиться на игре не получалось. От Лёшиного рассказа мои мысли бередило непонятное волнение. Вроде как-то и радостно с одной стороны, и почему-то тревожно с другой, будто опасность еще не миновала.

Каждый раз змея съедала очередной квадратик, телефон вибрировал, вырываясь из моих рук. Я с трудом удерживал его. Вскоре мне надоело, и я прилег поспать.

4

Наступил понедельник. Я болел уже почти неделю. Мама разрешила поиграть в компьютер, и я с радостью засел за него. Волнуясь, распаковал новенький диск, ждавший меня несколько дней, с нетерпением поёрзал на кресле, пока шла установка, запустил игру и утонул в ней.

Посреди заснеженного полуразрушенного города мы пытались пробиться сквозь фашистские укрепления. В пылу перестрелки я не понимал, где находятся свои, где чужие. Вдобавок все вокруг заполнил чад из смеси отлетающей штукатурки и взрывов гранат. Приходилось пробиваться почти вслепую. Голоса товарищей терялись среди общего грохота. «Это самоубийство!» — я разобрал восклицание бойца рядом со мной, когда мы оба ворвались в полуразрушенный дом. Мы не переставая палили наугад. Я прошел мимо пары лежащих пулеметчиков: мерзавцы не успели меня заметить, и мои пули оборвали их стрельбу. Теперь наши смогут пройти внутрь двора, не опасаясь стать легкой мишенью. Я облегченно вздохнул, как вдруг все замерцало красным — по мне вели огонь. Я сразу же забежал за стену, чтобы перевести дух и оценить обстановку. В дом вбежал командир.

— Там танк! Он мешает пройти остальным, — крикнул он мне прямо в лицо и кинулся дальше. Когда он ворвался в соседнюю комнату, застрекотала автоматная очередь.

Солдата, который входил вместе со мной, рядом не оказалось. Я счел, что он уже погиб, поэтому не мешкая запустил в комнату гранату.

После взрыва я присел и пошел на корточках. Пробравшись в комнату, выглянул в окно. Действительно, внизу находился танк. Он кружил по двору вокруг трамвая с немцами. Как сюда попал трамвай, остается только догадываться. Я достал гранату и кинул ее вниз. Немцы с криком выбежали из трамвая, и я, расстреливая их из автомата, прыгн

гул от затихающего вентилятора плавно сменился с громко-высокого на тихо-низкий. Раздался щелчок, и тишина вышла из засады. Я просидел полминуты в оцепенении, а затем вынырнул на поверхность реальности. Игра была потрясающей, лучшей в моей жизни. Мне хотелось и рассказать об этом всем друзьям, и продолжить играть, и просто сидеть наслаждаться послевкусием.

Пощелкав кнопкой компьютера, я понял, что он не собирается запускаться. Надо разобрать корпус, посмотреть, что там. Наверное, на видеокарте слишком много пыли, и новая игра перегрела ее. Но сил садиться на корточки и возиться со всем этим не было. Я продолжил сидеть и бездумно смотрел на черный пыльный экран.

— Играешь? — мама радостно спросила, когда заглянула в комнату. Она даже не обратила внимание, что экран не горит. — Стало лучше?

— Да, — я развернулся к ней. Она взъерошила мне волосы и ушла на кухню. Я уже легче переносил болезнь, и определенно полз в сторону поправки. Правда, рвота и жар не оставляли меня, но они не казались такими уж сильными и не мешали жить. Я постоянно потел и трясся, но уже привык к этому.

Я слышал, как пришел отец, и мама, довольная, встретила его в коридоре. Я ждал, что он зайдет посмотреть на меня. Они же зашущукались за стеной. Я не слышал, о чем они говорят, да и не особо пытался. Я лег на диван, укрылся одеялом и ударился в мысли и мечты.

Вечер был странный: родители ходили по квартире почти бесшумно, ко мне никто не заходил, и при этом чувствовалось какое-то напряжение. Мне показалось, что они опять решили разозлиться на меня за нарочно выпитую воду. Раз мне теперь легче, то пришло время наказания. А затем пришел врач. Он провел все те же действия, что и в первый раз. От него я слышал лишь отрывистые приказы и односложные вопросы: «Открой», «Повернись», «Болит?», «Чувствуешь?» Когда обследование закончилось, он ушел с родителями на кухню. Чуть позже в моей комнате появился отец.

— Придется тебя в больницу все же положить, — сказал он сухим голосом, смотря поверх меня на спинку дивана.

— Зачем? Я ведь поправляюсь?

— Там быстрее поправишься. Чтобы без осложнений прошло. Дома дольше будет. Я вот в детстве после гриппа не долечился, так сейчас в ноги отдает. Говорят, от этого.

— Что отдает?

— Ну, суставы ломит. Все ведь в организме связано. Мы уговорили тебя еще на день оставить, завтра нужно будет кое-что сделать. А еще... — он помолчал немного и заговорил более воодушевленно: — Давай тебе телефон в больницу купим? Будешь там развлекаться с ним, читать-то тебе не очень нравится. И звонить сможешь нам и друзьям.

Я обрадовался, сразу же встал с дивана и кинулся отцу на шею. Я уже давно мечтал о телефоне, да еще теперь он был и у Лёшика. Мы могли быть почти все время на связи. Будущая покупка заняла все мои мысли, и оставшийся вечер я представлял, как неожиданно позвоню Лёшику уже со своего телефона.

* * *

На следующий день я проснулся раньше обычного. Я лежал и слушал, как собирается на работу отец. Действительно шумно. Хлопнула дверь, я услышал, как мама вернулась в комнату. Еще немного повальявшись, я встал и пошел на кухню. Я увидел, что ночью на город обрушился снег. Улица еще освещалась фонарями. Кто-то из соседей гулял с собачонкой, которая тонула в белой массе, но храбро продолжала пробираться вперед, как покоритель Северного полюса. Пара автомобилистов очищала машины. Мне подумалось, что это все очень хорошо. Было так спокойно, и в голове вертелось слово «душевно». Лягушка внутри заснула, даже не квакнула, а я съел целых две баночки йогурта. День обещал быть хорошим, особенно если отец купит телефон.

Вернувшись в комнату, я решил разобраться с компьютером: достал отвертку и начал снимать боковую крышку корпуса.

Я изо всех сил дул на видеокарту, когда ко мне зашла мама. Я замер, а она нагнулась с угрюмым лицом и потрогала мою голову.

— Иди поешь, — приказала она, когда выпрямилась.

— Хорошо. А меня уже и не тошнит. Я два йогурта утром съел! — решил я похвастаться.

Мама никак не ответила на это, только задержала на пару мгновений взгляд на мне и ушла на кухню.

На завтрак меня ждали каша и чай с бутербродом. В этот раз я все же почувствовал дурноту, но уже привычный к этому, легко перенес сокращения внутри. Мама же, пока я стоял на кухне, сменила мне постель и отправила мыться, и наказала одеться в чистое.

— Скоро придет важный гость, — сообщила она.

— Кто?

— Скоро узнаешь.

Под душем я все думал, кого мне ожидать. Когда я вернулся в комнату, то поленился собирать компьютер обратно, только оделся и лег. Через час кто-то позвонил в домофон, мама ответила и пошла открывать. Я прислушался. Послышались шаги и голоса: мамин и мужской. Мама говорила с гостем заискивающе.

— Он там, — последнее, что я услышал перед тем, как в комнату вошел... поп! Самый настоящий: в черной рясе, шапке, название которой я не знаю, с бородой, ехидным взглядом и, конечно же, с пузом. Мама встала в проходе, не смея войти в комнату и держа в руках какой-то пакет.

— Это отец Александр, — она представила попу. — Он попросит у Бога твоего излечения. Только сперва ему нужно познакомиться с тобой. Не бойся.

Священник обернулся к матери: «Вы можете идти, Валентина, пакет только оставьте на полу. Я вас позову, когда закончу». Мама послушалась. Отец Александр взял табуретку у письменного стола, подошел к дивану и сел на нее.

— Здравствуй, — он держал спину и голову прямо и только опустил глаза.

— Здравствуйте, — я потерялся и начал заикаться.

— Твои родители рассказали, что тебя охватила болезнь. Опасная болезнь.

— Я уже почти выздоровел. Сегодня утром хорошо себя чувствовал и...

— Ты крещеный? — он не дал договорить.

— Да. В детстве.

—носишь крестик?

Я помотал головой.

— Плохо, очень плохо. Но я тебе принес, — у него в руке оказался крестик на веревочке, который он протянул мне. — Надевай.

Я послушался.

— Никогда не снимай. Ты читал Библию?

— Немного.

— Знаешь, что нужно сделать, чтобы попасть в рай?

— Не грешить?

— Это правильно, но также важно и покаяние в своих грехах. Когда Иисуса распяли, с ним рядом на крестах висели два разбойника. Один насмеялся над Сыном Божьим, а второй...

— Раскаялся! — я вспомнил.

— Правильно. И оказался во Царствии Божьем первым из людей. А сейчас мы совершим таинство исповеди, — он встал, закрыл дверь и достал из пакета золотой шар с торчащими из него двумя ножками, расположенными с противоположных сторон. Отец Александр зажег спичку и поднес ее к шару. Через две секунды он задул ее и, подняв непонятный предмет за цепочку, начал трясти его, направляя в разные стороны. Комнату быстро заполнил приятный запах, который я помнил с похорон бабушки, маминой мамы.

— Сядь, — он подошел ко мне и отложил золотой предмет на мой письменный стол.

— Теперь говори.

— Что?

— Рассказывай, какие грехи совершал. Не спеши, подумай.

Я не мог не повиноваться, но и рассказывать про плохие вещи стыдился, даже боялся. Священник стоял в ожидании.

— Я матерился, — сказал я неуверенно. — Дергал одноклассниц за косички. Смотрел на голых тетенек. Списывал. Не делал домашнее задание.

Больше я ничего не мог придумать.

— Струсил! — вдруг пришло в голову. — И воду специально выпил, чтобы в школу не идти и меня не публично побили старшеклассники.

Для меня это было страшное признание, и я представил, что он сильно нахмурится. Я промучился еще несколько минут, вспоминая и признаваясь в своих грехах. Где-то в другом мире зазвонил домофон, но из-за того, что я сосредоточился на исповеди, звонок сразу же ускользнул из моей головы.

— Больше не помню, — я закончил.

— Склонись, — приказал он, когда я сел, и положил мне на голову какой-то платок, а затем и свою руку, и что-то прошептал нараспев.

— Повторяй за мной, — поп стал произносить фразы из молитвы. Я послушался. Он снял с меня платок, и в его руках откуда-то оказалась кисточка. Отец Александр замахал ею, разбрызгивая воду по всей комнате, но главным образом брызги попадали на меня.

— Теперь тебе надо выучить молитву, — сказал священник. — Очень важно будет прочитать ее десять раз вечером и завтра утром столько же. На причастие в храм ты не сможешь прийти. Это плохо. Но главное — это раскаяние. А теперь, — он достал чашу, которая уже стояла на табуретке, зачерпнул из нее маленькой ложкой, запихнул мне в рот какое-то тесто и дал запить из ложки. Кисло-сладкий вкус укусил за язык, во рту запершило. Поп протянул мне крест, висящий на его шее. Я догадался поцеловать.

— Ты знаешь, как правильно креститься?

Я помотал головой.

— Эти три пальца складываешь вместе, они символизируют Пресвятую Троицу. А безымянный и мизинец прижимаешь к ладони, они указывают на то, что Иисус Бог и человек. Подносишь руку сперва ко лбу, потом вниз к животу, к правому плечу и левому.

Я повторил за ним.

Он стал учить меня молитве «Отче наш». Отец Александр говорил строчку и ждал, пока я ее повторю. Скоро я уже знал весь текст с его таинственными словами.

Священник собрал свои вещи и вышел. Я слышал мамин голос в коридоре.

— Вот, как и обещали, три тысячи.

Прощания и закрытые двери. Мама вошла в комнату:

— Ну как?

Я не мог собраться с мыслями. Казалось, будто я нахожусь в каком-то трансе. Приятный запах еще не выветрился из комнаты, на языке еще оставался привкус напитка, легкая дымка застилала мир в моих глазах. Я чувствовал свою чистоту и легкость в теле. Жизнь начиналась заново.

— Что молчишь?! — мама упорно тащила меня в свой мир.

— Хорошо, мам, — я залез под одеяло.

5

В тот же день отец подарил мне телефон, точно такой же, как у него — «Нокиа» с синим корпусом и зеленым экраном. Я обрадовался и бросился ковыряться в нем, выставлять звонки, играть в игры. Лёшиного номера у меня не было, и я пошел в комнату, чтобы спросить у отца. Но они с мамой что-то делали на кухне, поэтому я просто взял отцовский телефон с полки и нашел в нем звонок. Я удивился, когда увидел, что Лёшик звонил еще несколько раз. Записав номер себе, я вернулся в свою комнату и позвонил.

— Лёшик! — теперь радостно кричал я.

— О, наконец-то! Твой батя не давал с тобой говорить.

Тут я позабыл о том, что хотел похвастаться.

— В смысле? Почему?

— Тебя не хотел расстраивать, наверное. Тут же это... — Лёшик замолчал.

— Что? — я спросил потише, чтобы родители не услышали.

— Васька же из-за болезни сперва в больницу попал. А там через два дня...

Мы оба замолчали. Что в таких случаях говорят взрослые, я не слышал. Только разве что в кино, и когда соболезнают родным. Как они обсуждают такие вещи между друзьями? Я не знал.

— Жалко. Хороший был парень, — мне показалось, что я нашел именно те, нужные слова, но они никак не отделились во мне.

— Да, настоящий друг, — Лёшик говорил спокойным, ровным голосом. — Завтра эта, как ее... Панихида в церкви будет. Мы с Ваню и родителями пойдем. Сейчас всех, кто заболел, сразу в больницу увозят. А школу закрыли на карантин. Ты сам-то как?

— Вроде хорошо. Сегодня выздоравливать начал. Но завтра с утра тоже повезут.

— Там такое дело, — Лёшик почему-то зашептал. — Перед тем как совсем плохо стало, у Васьки тоже улучшение случилось. К нему Ваню заходил игры взять, так они в магазин вместе ходили. А вечером Ваську уже увезли.

Я не понимал, что мне нужно почувствовать.

— А у меня исповедь была. Священник приходил. Наверно, пронесет. Я ведь молитву теперь знаю.

— Да? Расскажи.

Я с запинками проговорил ему «Отче наш».

— Надо записать, — сказал Лёшик. — Я бабушке позвоню, спрошу у нее другие молитвы, буду за тебя молиться, чтобы все хорошо было. В церковь пойду. Обещаю. Вот завтра как раз.

— Спасибо, Лёха. Ты настоящий друг. И Ваню, — я запнулся, не зная, что сказать. И тут вспомнил одно из лучших мгновений за прошедшие дни. — Ты-то в «Коллофдьюти» уже играл?

Мы перешли на разговор об играх и проболтали еще полчаса, а затем попрощались, будто все было как всегда. Только в конце Лёшик добавил: «Ну, ты это, держись».

Я зашел к родителям в комнату, они позвали сестру на диван между ними, и мы вместе смотрели телевизор. Обычный вечер.

— Мам, — я посмотрел на нее. — Пап, — я начал поворачивать голову, чтобы посмотреть на отца, но меня отвлекла смешная реклама капель от насморка. — А правда, — я потянул замыкающую «а» за хвостик вниз, забывая, что хотел спросить. — А правда, что, — я подумал еще немного и наконец оторвался от рекламы и посмотрел на отца, — что Васька... — Я уже собрался закончить вопрос — горло будто слиплось и последнее слово смялось в сиплом хрипе.

Иногда мир не знает, что он хочет, просто берет и сминает все в один короткий миг. Мелет в нем движения, людей и само время друг о друга. Трет, пока все не перемелется и не станет одной бесформенной кашей.

Лица родителей зашевелились: задергались вразнобой губы, глаза, брови. Отец и мама не знали, куда себя деть, и тянули ко мне руки. Они одновременно отпрянули от меня. Я хотел прижаться к ним, заплакал на коленях у мамы, потянулся к отцу, отталкивая ее от себя. Мы застряли напротив рекламы капель для носа. Картинка в телевизоре вместе с нами судорожно мерцала в большой теплой и уютной комнате. Холодной ненавистной тесной комнате.

Родители тянутся ко мне, раздирают на части, сжимают меня в комок. Я вырываюсь, прижимаюсь к отцу, с трудом выдергиваю свою руку из его хватки, бросаюсь к маме, задыхаюсь, хочу сползти под стол, вцепляюсь в диван, боясь упасть. Родители смеются надо мной, их лица изуродованы горем. Родители радуются, суют мне кусок курицы и зажимают рот, чтобы я ее ел. Я кричу, сжимая зубы изо всех сил.

Реклама наконец-то закончилась, мы застыли на диване. Все пошло правильно. Родители плачут: мама навзрыд с причитаниями, папа молча, только ручейки из глаз скользят по его лицу. Слушаю свое дыхание, лежу головой на маминых коленях, ногами на отцовских. Мне надоедает, я аккуратно встаю, иду в свою комнату. Родители остаются неподвижно сидеть.

Иду размеренно, медленно. Прохожу на середину комнаты. Встаю напротив стола. На нем стоит икона. Сперва опираюсь руками о пол, встаю на колени. Не знаю, что делать. Просто смотрю на икону. Мне не холодно. Я не чувствую в животе жабу. Мне хорошо. Только небольшая слабость в руках. Но она не мешает мне перекреститься. Три пальца ко лбу, три пальца к животу, правое плечо, левое плечо. Вспоминаю. Отче наш... Полушепотом первые два слова. Не могу вспомнить слова дальше. Крещусь еще раз. Три пальца ко лбу, три пальца к животу, правое плечо, левое плечо. Отче наш. Молчу. Иже еси на небесех да святится имя твое. Молчу. Не могу вспомнить. Крещусь.

Три пальца ко лбу, три пальца к животу. Отче наш, иже еси. Три пальца к правому плечу. На небесех. Три пальца к левому плечу. Да святится имя Твое, да придет царствие Твое, да будет воля Твоя. Молчу. Да будет воля Твоя яко на небеси и на земли. Отче наш. Три пальца ко лбу. Иже еси на небесех. Три пальца к животу. Да будет воля Твоя. Три пальца к правому плечу. Яко на небеси и на земли. К левому плечу. Молчу. Отче наш. Говорю громче. Яко на небеси и на земли. Три пальца ко лбу. Хлеб наш насущный. Три пальца к животу. Дажь нам днесь. К правому плечу. Отче наш. К левому плечу. Кланяюсь лбом до пола. Выпрямляюсь. Отче наш. К левому плечу. Яко на небеси и на земли. Ко лбу. И остави долги наша. К животу. Отче наш! Иже еси на небесех. К правому плечу. Кланяюсь до пола. Выпрямляюсь. Да будет воля твоя! Хлеб наш насущный! К левому плечу. Яко и мы оставляем. К правому плечу. И не введи нас во искушение! Бьюсь лбом о пол. ОТЧЕ НАШ. ПРАВОЕ ПЛЕЧО ХЛЕБ НАШ НАСУЩНЫЙ ДАЖДЬ НАМ К ЖИВОТУ И ОСТАВИ ДОЛГИ КО ЛБУ ЯКОЖЕ И МЫ БЬЮСЬ О ПОЛ ДОЛЖНИКАМ ЦАРСТВИЕ КО ЛБУ НА НЕБЕСЕХ БЬЮСЬ ЛБОМ ЯКО НА НЕБЕСИ К ЛЕВОМУ ВО ИСКУШЕНИЕ НО ИЗБАВИ НАС ЛБОМОТЧЕНАШИЖЕКОЛБУДАСВЯТИСЯЛБОМОТЧЕНАЦДОТЖНИКАМНАШИМЛБОМЛБОМЛБОМ

Мама хватает меня за плечи, стоя рядом со мной на коленях, и прижимает к себе. С моего носа к губам стекает кровь. Мама поднимает меня и ведет в кровать. Меня трясет от холода и страха. Я под одеялом. Мама садится рядом, а отец стоит и смотрит. Мама протирает мое лицо платком. Слезы бегут по щекам, разбавляют кровь. Хочу сказать им, но всхлипы мешают. Сердце стучит, стучит, стучит...

Мне надо им сказать, но слова запинаятся. Мама прижимается ко мне. Я такой бедный. Мое маленькое сердце продолжает стучать громко, надрывно. Рыдаю. Жарко и тяжело дышать мне, охваченному ужасом. Мама сжимает меня, я как в тисках. Домофон звонит. Неуютно. Приходят врачи. Мне делают укол. Сердце стучит медленней. Мама уже не обнимает меня, теперь меня сжимает одеяло. Слезы уже не идут. Закрываю глаза. Я самый несчастный в мире мальчик.

6

Уставшими от слез глазами разглядываю палату. Вот уже второй день как я нахожусь здесь. Кажется, я сотню раз вспомнил все, что привело меня сюда.

Мои соседи, все взрослые, уже перестали меня успокаивать и даже не смотрят в мою сторону. Иногда я развлекаюсь игрой в телефон, но для этого приходится разворачиваться за ним к тумбочке. От этого сразу же появляется одышка, а тело неприятно трется о постельное. Мне это не нравится. Даже звонки от родителей вызывают раздражение из-за того, что нужно шевелиться. Недавно телефон вибрировал от смс. Наверное, это от Лёшика, но я решил прочесть позже.

Сквозняк пробирается под легкое одеяло и морозит меня. Приходится поджимать ноги, прижимая концы одеяла стопами. В палате, несмотря на гуляющий ветер, стоит острый, неприятный запах нестиранного белья и пота лежащих.

Только что забрали одного старичка, который попал к нам вчера. Наверное, скоро завезут еще кого-нибудь.

К нам заходит медсестра тетя Оля и направляется к окну. Оттуда она оглядывает всю палату покрашенными глазами, закусывает губу, руки держит в карманах халата. Тетя Оля молодая и красивая, мне она нравится.

— Все хорошо? Держитесь? — спрашивает медсестра.

— Держимся, — слабым, но при этом веселым голосом отвечает мужчина на

кровати рядом со мной. Тетя Оля подходит к изголовью моей кровати и гладит по голове. Мне неприятны ее прикосновения. Как будто по лбу проводят шершавой холодной тряпкой. Я подергиваю шеей, пытаюсь уйти от ласк. Она сочувственно смотрит на меня.

— Ну ничего, скоро поправишься, — медсестра подбивает под меня одеяло. Я молчу. Только чувствую выступившие слезы.

Медсестра ушла, и в палате наступила тишина, и от того она наоборот наполнилась звуками, которые ранее скрывались за стуком ее шагов. Скрипят кровати, тяжело дышат соседи. От лампочек исходит ровный гул. Слышно, как в палате за стеной перетаскивают кровати.

Воздух уплотняется, становится гуще и заметнее. Я чувствую напряжение вокруг: будто стена, потолок и другая мебель собираются ожить и начать двигаться. Стало жарче, во рту пересохло. С трудом поворачиваю голову, чтобы потянуться за стаканом с водой на тумбочке. Тумбочка приняла угрожающий вид. Стоит поднести к ней руку, и она брыкнется и скинет с себя сосуд с жидкостью. Меня это пугает. Отвожу взгляд к окну. На улице уже темно.

Разворачиваю голову обратно. Откуда-то появляются тени на стене. Гуляют по ней, растут и уменьшаются. Сама стена покрыта мелкой рябью. Тени плывут по ней волнами, из стороны в сторону, превращаются в гигантские фигуры на барельефах. Фигуры плавно сменяются, переходят одна в другую, продолжая покачиваться при этом. Я вижу египтян, вырисованных на фасаде дворца. Фасад слегка темнеет, потом снова светлеет, египтяне превращаются в римлян с щитами. Те в свою очередь превращаются в плоские фигуры греческих мудрецов, а те сменяются другими людьми. Меня притягивает к ним, будто я медленно и плавно подлетаю к стене, не меняя лежачего положения. Грудь сдавливает чувство восторга. Мне очень хочется глубоко вздохнуть, но ничего не выходит, а изнутри ребер колют маленькие иголочки, меня распирает от какого-то внезапного счастья.

В стене появляются огромные двустворчатые двери. Будучи сперва того же цвета, что и стены, они неожиданно становятся разноцветными. Цвета быстро сменяют друг друга, двери пестреют и открываются. За ними еще одни двери, которые спешат открыться передо мной, а за ними еще одни двери, и еще. Через узкую щель я вижу посреди створок всех дверей что-то яркое и теплое. Тянется оно ко мне, а я к нему, спешим мы друг к другу навстречу, а двери раскрываются и раскрываются. Вот еще чуть-чуть, вот сейчас. Вот сейчас точно. Коридор бесконечный, такой уютный, и я, увлекаемый потоками теплого воздуха, набирая скорость, лечу по нему. Мне давно не было так хорошо, мне не было так хорошо никогда, все годы моей маленькой короткой жизни мне никак не было хорошо. А сейчас я — маленькая веселая пушинка, улыбаюсь в этих потоках, и в глазах рябит, и радостно мне, и завораживает меня все вокруг.

Что-то промелькнуло перед глазами и оставило на стене смазанные следы, и коридор весь размазался в одну сторону, как будто кто-то провел рукой по невысохшему рисунку на ИЗО. Застыла картина, и потускнел ее цвет. Стало темно, холодно стало, залихорадило меня в невыразимой тряске, как будто на поезде я еду: ходит все ходуном. Вцепляюсь в кровать руками, чтобы не сбросила меня, как неумелого наездника. Тут комната и поплыла, заволновался воздух, закачалась лампочка, загудела роем мух над головой. Пальцы сводит от напряжения, яжимаюсь в кровать, хочу спрятаться в ней, зарыться поглубже. Крики где-то за головой останавливают мое сердце. Подумало оно немного, помешкало слегка и решило все же еще побиться. Перед глазами замельте-

шило страшное и село на нос, зажужжало, замешало дышать, слышать, чувствовать. Пытаюсь сдуть его, и звук моего выдоха присоединяется к жужжанию. Черные точки лепятся к лицу, накрывают глаза, лезут в рот, в нос, тяжело дышать мне, беззащитному, а матрас такой мягкий, добрый, принимает меня, и я прячусь в него, утопаю, и снова уютно мне. Я в руках у мамы. Поглаживает она мое лицо, говорит: «Успокойся, все хорошо», а я и так это знаю. Мама гладит мои волосы, называет зайчиком, говорит, я самый хороший мальчик на земле. Руки ее мягкие касаются моего лица, трогают его, мнут, лепят его, сжимают посередине и тянут на себя — получился нос, два больших пальца давят с двух сторон от носа чуть повыше, и их тепло дарит мне глаза. Мама говорит, что я самый красивый у нее. Вытягивает из головы моей уши, лепит в них раковинки. И самый послушный. Прорезает ногтями рот, сворачивает губы холодными, обжигающими пальцами, смотрит прожигающим взглядом, кривит свой мерзкий отвратный рот и рас